

ЭДЕ-ЛИНА

Антипроцесс: Цена новой жизни

18+

ЭДЕ-ЛИНА

Антипроцесс: Цена новой жизни

«Автор»

2026

ЭДЕ-ЛИНА

Антипроцесс: Цена новой жизни / ЭДЕ-ЛИНА — «Автор», 2026

Успешная бизнес-стратегия на 25 000 евро должна была открыть перед Амор все двери на Коста-дель-Соль. Но одна ошибка, шторм и течение gesaca превращают триумф в крах. Вырванная из бездны моря Спасителем, героиня попадает в ловушку: платой за спасённую жизнь становятся синдром Бога спасителя и удушающий долг. От закалённого ветрами Санкт-Петербурга 1999 года и 10 лет в Швеции до банковских реестров Малаги — 158 см воли принимают вызов. Чтобы выжить, ей предстоит запустить свой собственный «Антипроцесс».

© ЭДЕ-ЛИНА, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. УДАРЫ СУДЬБЫ Allegro ma non troppo. Глава 1. Бархатный капкан Малаги	6
ЧАСТЬ I. УДАРЫ СУДЬБЫ.	7
ГЛАВА 1. Бархатный капкан Малаги	8
Глава 2. Первая трещина (Алтарь на песке)	13
ГЛАВА 3. Архитектор веры (Канат долга)	17
Глава 4. Системный ценз: 158 сантиметров воли	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

ЭДЕ-ЛИНА

Антипроцесс: Цена новой жизни

ЧАСТЬ 1. УДАРЫ СУДЬБЫ *Allegro ma non troppo*. Глава 1. Бархатный капкан Малаги

Эмме посвящается, мечтавшей написать книгу о несправедливости. Мир больше не слеп к человеческой правде.

Моим родным папе и маме, чья безграничная вера, строгая военная и медицинская закалка и нерушимые слова: *«Ты у нас такая сильная, стойкая, надо выучиться, у тебя должен быть свой фундамент»*— стали моим невидимым щитом на всех сквозняках судьбы. Ваша любовь научила меня держать удар.

Моему безумному герою, подарившему мне этот опыт: я прощаю тебя своим милосердием и отпускаю на полную свободу, давая возможность ковать собственную судьбу.

Моему коучу, который в цифровой тишине эфира точно почувствовал суть моей истории: *«Наверное, вы пишете книгу, которая начинается со слова Нет?»*— *«Со слова Анти»*,— ответила я. Спасибо за ваше весомое напутствие: *«Закончи обязательно этот проект»*— и за то, что помогли не просто поставить точку в рукописи, а открыть этой книге двери в большой мир.

И тебе, мой дорогой, за то, что оберегал, поддерживал и был со мной в самые трудные минуты. За то, что спасал мое здоровье и держал за руку в самые тяжелые моменты. Спасибо за твоё терпение! Если бы не ты, у меня физически не хватило бы сил написать эту книгу.

Антипроцесс запущен.

ДИСКЛЕЙМЕР

Данная книга основана на реальных событиях, документированном личном опыте и профессиональной практике автора. Все ключевые конфликты, психологические механизмы и финансово-логистические расчеты отражают действительность. Имена персонажей, названия организаций и сопутствующие детали были изменены из соображений конфиденциальности, за исключением имени моей бабушки, которое сохранено в неизменном виде.

ЧАСТЬ I. УДАРЫ СУДЬБЫ.

Allegro ma non troppo-Presto, ma non troppo

ГЛАВА 1. Бархатный капкан Малаги

«Самые опасные сети плетутся не из угроз и жестокости, а из восхищения, ласкового солнца и обещания великого будущего».

Малага встречала меня оглушительным, звенящим зноем и густым ароматом жареных сардин-*еспетос*, доносившимся с пляжа Ла-Малагета.

После долгих лет, проведенных на севере, этот город казался мне воплощением ожившей открытки. Здесь время текло по иным законам. В Малаге никто не спешил.

Слово «*тайана*» — завтра — звучало на узких мощеных улочках Старого города не как отговорка, а как национальная философия, мягкая и успокаивающая.

Я приехала сюда не отдыхать. Для меня Андалусия была не курортом, а очередным суровым полигоном, аккуратно вписанным в долгосрочный стратегический план.

Моя цель была предельно конкретной и требовала безупречной дисциплины: карьера на дипломатической службе.

По жестким регламентам шведского ведомства, для подачи документов на конкурсную должность в Шведском консульстве в Малаге мне требовался ровно один год официально подтвержденной практики в смежно-консульской и визовой сфере.

Именно поэтому я устроилась на работу в местный визовый центр. Это был не просто заработок — это был выверенный трамплин, мой официальный пропуск на государственную службу Швеции. Я четко знала, ради чего выносила ежедневную рутину.

Я четко знала, ради чего выносила ежедневную рутину, бесконечный поток заявителей, строгие отчеты и педантичные проверки документов. Каждая поставленная печать приближала меня к мечте.

Именно в этот период в моей жизни появился Омар.

Он вошел в нее легко и естественным образом, как взошедшее над побережьем солнце. В нем смешалась горячая итальянская кровь.

Высокий, атлетично сложенный, с выразительными темными глазами и мягкой, обезоруживающей улыбкой, он казался человеком из экранов классического кинематографа.

Омар умел красиво говорить. Его речь была усеяна метафорами, романтическими обещаниями и искренним, как мне тогда казалось, восхищением.

В отличие от сдержанных европейцев, он не скрывал эмоций.

В мире Омара всё было масштабно: если планы — то на миллионы евро, если чувства — то до гроба.

После десяти лет в Швеции, где жизнь подчинена мудрому принципу *lagom* — идеальной золотой середине, где всё должно быть ровно столько, сколько нужно, без перегибов, — его эмоциональный размах казался мне диким, но именно эта невоздержанность поначалу завораживала.

— Амор, — звал он меня, используя это испанское слово, означающее «Любовь», как моё второе имя. — Ты — уникальная женщина. В тебе сочетается нежность, от которой тает сердце, и стальной, бритвенно-острый ум. Мы с тобой созданы для великих дел.

Его проект казался амбициозным и красивым: создание собственного архитектурно-строительного агентства и представительства в Малаге, которое занималось бы сопровождением состоятельных иностранных инвесторов, покупкой элитной недвижимости и проектированием вилл на побережье Коста-дель-Соль.

Омар говорил о бизнесе с таким страстным упоением, что в его слова невозможно было не поверить.

Он показывал мне эскизы, набросанные на салфетках в кафе на набережной, водил по престижным районам Марбельи и Бенальмадены, уверяя, что очень скоро мы будем управлять этим рынком.

Однако за этим красивым фасадом скрывалась настораживающая деталь, которую мой аналитический склад ума заметил не сразу. В реальности у Омара не было ничего, кроме его красоты, харизмы и амбиций.

— Мне не хватает только тебя, Амор, — шептал он, глядя мне прямо в глаза за столиком в маленьком ресторане на побережье. — Мои идеи и твой гениальный структурированный мозг. Если ты поможешь мне составить правильный бизнес-план для банка, мы откроем офис, о котором заговорит весь город. Ты станешь не просто моим партнёром, ты будешь совладелицей бизнеса. Забудь о чиновничьей рутине в визовом центре. Твой масштаб гораздо выше!

Он мягко, шаг за шагом подводил меня к тому, чтобы я начала делиться с ним своим самым главным ресурсом — интеллектом, временем и энергией. И я, усыпленная его восхищением, сделала первый шаг в эту ловушку.

Погода в Малаге в тот день начала портиться ближе к вечеру. Бархатное, ласковое море, еще утром манящее бирюзовыми волнами, постепенно темнело, приобретая свинцовый, тревожный оттенок.

На пляжах вывесили предупреждающие желтые флаги, сигнализирующие о поступающем шторме и опасных донных течениях.

Но мы с Омаром всё равно пошли к морю. Я любила воду, она всегда давала мне силы и снимала усталость после тяжелого рабочего дня.

Средиземное море поначалу казалось безмятежным, ничем не выдавая приближающейся катастрофы.

В Малаге стоял знаменитый бархатный сезон — время обволакивающего, густого южного тепла, которое не освежает, а наваливается всей тяжестью испаряющейся за лето влаги. Солнце висело над Андалусией тяжелым огненным диском, превращая горизонт в зыбкое море.

Асфальт нагрелся под ногами, и сухой воздух у побережья становился почти осязаемым, плотным, как густой пар.

Прибрежное кафе на набережной в этот предвечерний час абсолютно опустело. На террасе стоял резкий, въедливый запах морской соли, йода и гниющих у прибрежных скал водорослей.

Штормовая свежесть, доносившаяся с глубины, странным и гнетущим образом смешивалась с жаром, исходящим от нагретой на солнце пластиковой мебели и раскаленной плитки.

Ветер стремительно набирал силу. Рваными, неритмичными порывами он срывал бумажные салфетки со столов, заставлял парусиновые тенты над головами глухо и тревожно потрескивать, словно снасти теряющего управление корабля.

Море за спиной Омара меняло цвет буквально на глазах, наливаясь тяжелой, свинцовой синевой. У самого горизонта уже появлялись первые белые гребни — предвестники настоящего шторма.

Метеорологические службы Андалусии еще с полудня объявили желтый уровень опасности. На испанском побережье такие предупреждения — не формальность, и их категорически не стоит игнорировать.

Местные жители знают: когда Леванте и Поньенте разворачивают свои крылья, море вокруг Коста-дель-Соль превращается в мясорубку.

Но тогда я совершила свою первую, самую роковую ошибку. Ослепленная азартом, амбициями и масштабом открывавшихся перспектив, я просто отмахнулась от этих знаков природы.

Вокруг царил непривычная, звонкая тишина. Обычно шумные и экспрессивные испанцы, чьи громкие разговоры и жестикуляция затягивают любое заведение в водоворот

жизни, словно затылком почувствовали резкую перемену погоды и спешно разошлись по домам. На террасе не осталось ни души, кроме нас.

В этом странном, искусственном вакууме мы с Омаром продолжали увлеченно обсуждать каждую строчку нашего будущего бизнес-плана.

Суть проекта была продумана до мелочей. Мы ориентировались на богатый, платежеспособный скандинавский рынок, выбрав одну из самых перспективных и одновременно невероятно закрытых ниш Андалусии — капитальное строительство и премиальный ремонт недвижимости «под ключ».

Поток покупателей жилья из Швеции, Норвегии и Финляндии на Коста-дель-Соль рос с каждым месяцем. Люди бежали от северных туманов к южному солнцу, инвестируя миллионы крон и евро.

Но абсолютно все они неизбежно сталкивались с местной ментальной особенностью — знаменитой испанской *«mañana»*. Это означало тотальную необязательность, бесконечные переносы встреч, невнятные сметы и хроническое, почти легализованное нарушение любых дедлайнов.

Мы предлагали идеальное, элегантное решение: задействовать проверенных, высококлассных мастеров из числа наших соотечественников, переехавших в Испанию и обладавших жесткой рабочей дисциплиной, и связать их напрямую со скандинавскими заказчиками.

Для северных клиентов это означало привычный уровень сервиса, европейскую четкость, прозрачную юридическую и финансовую документацию, европейское качество и, самое главное, строгий дедлайн.

Финансовая модель сходилась до последнего цента. Риски казались абсолютно управляемыми, а прогноз окупаемости — более чем реалистичным.

Омару требовался надежный, непоколебимый экономический фундамент, и для его создания мой шведский университетский диплом и фундаментальная база в сфере государственного и муниципального управления подходили идеально. Я понимала, как работают институты и системные механизмы, могла просчитать всю структуру бизнеса, выстроить сложнейшую финансовую модель и досконально разобраться в тонкостях испанского корпоративного права и налогообложения.

Но постепенно, за разбором очередного блока таблиц, я начала замечать: Омар восхищался не только моими академическими знаниями.

Его искренне завораживал сам факт того, что рядом с ним находится женщина с европейским образованием, уникальным опытом, железной логикой и высоким социальным статусом — всем тем, чего ему самому так катастрофически не хватало в этот период жизни.

Мы методично и въедливо обсуждали графики. По самым строгим и консервативным расчетам, на окончательную разработку, упаковывание и финальную шлифовку проекта для банковских аналитиков требовалось около двух месяцев непрерывной, плотной работы. Омар уверенно и истово кивал.

Весь остальной мир сузился до размеров нашего небольшого квадратного столика, за которым прямо сейчас решалась судьба будущего бизнеса.

Каждый раз, когда я указывала на сложную финансовую связку или подробно объясняла очередную схему налоговой оптимизации, его темные восточные глаза загорались ярким огнем. В его взгляде читалась почти слепая, безусловная вера в меня — в мой интеллект, в мой опыт и в мою способность довести любое, даже самое безнадежное дело до победного финала.

Он буквально ловил каждое мое слово. И уже тогда, хотя я в силу собственной наивности этого совершенно не понимала, Омар постепенно подменял свою глубокую внутреннюю неуверенность моей внешней и внутренней силой.

Он видел во мне не просто равноправного бизнес-партнера, а своеобразный интеллектуальный щит, способный прикрыть его от любых ударов судьбы.

У этой психологической зависимости была весьма конкретная и трагическая причина. Незадолго до нашей встречи вся его привычная жизнь дала глубокую трещину.

Тяжело перенесенный ковид, вызванный им системный кризис в экономике и последующая затяжная гиперинфляция окончательно выбили его из привычной колеи. Из-за долгого периода вынужденного простоя и отсутствия работы он потерял стабильный доход, накопил долги и вместе с этим утратил значительную часть своего мужского и социального статуса.

Для человека с его амбициями это стало сокрушительным, болезненным ударом.

Поэтому наш строительный проект был для него не просто коммерческой идеей или очередным стартапом. Он превратился в единственный билет на спасение — последнюю возможность снова подняться, вернуть контроль над собственной распадающейся жизнью и доказать самому себе и окружающим, что кризис не сломал его.

Омар свято, почти религиозно верил в наш проект. В его воображении уже полностью сформировался финальный сценарий: к декабрю, максимум — до конца текущего года, он официально регистрирует собственную компанию, получит под разработку первые крупные контракты от состоятельных норвежцев и вернет свою прежнюю уверенность.

Он буквально жил этой датой. Когда я раскладывала перед ним финансовые таблицы, он видел в них не просто цифры, а свое триумфальное возвращение в большую игру.

Мы находились на самом пике взаимного доверия и эйфории, даже не подозревая, что роковой обратный отсчет уже запущен.

Чтобы сбросить напряжение и усталость после многочасового интеллектуального марафона, мы решили встать из-за стола и спуститься по деревянной лестнице прямо к пляжу.

У самой воды я почувствовала непреодолимое, почти дикое желание искупаться. Хотелось смыть с себя липкую южную жару, многочасовую усталость и тяжелые мысли.

Во мне бурлила колоссальная энергия: стратегия выстроена идеально, перспективы безупречны, а впереди маячила та самая жизнь, которую я уже мысленно считала своей.

Море у самого берега казалось почти дружелюбным. Волны лениво и тихо накатывали на темный песок.

Неподалеку на бетонном пирсе абсолютно спокойно стояли два местных рыбака, привычными движениями закидывая длинные снасти в белую пену. Я увидела их спокойствие — и мгновенно восприняла это как очередное подтверждение собственной правоты и безопасности.

Лишь гораздо позже я узнала местную андалусскую примету: опытные рыбаки выходят на пирс именно в самый шторм. Чем сильнее волнобой и выше *resaca*, тем ближе к берегу подходит крупная рыба из глубин.

Их присутствие на молу было не гарантией спокойствия моря, а верным знаком надвигающейся стихии. Но тогда, ослепленная собственным азартом, я прочитала этот знак с точностью до наоборот.

Но Омар, вопреки моему настроению, думал иначе. У самой кромки воды он резко изменился в лице и начал настойчиво, даже агрессивно меня отговаривать.

Тяжело хмурясь, он всматривался в быстро темнеющий горизонт и указывал рукой на развевающиеся на ветру желтые предупреждающие флаги.

— Море сегодня коварное, шторм идет! — кричал он, перекрывая гул ветра. — Не вздумай заплывать далеко! Это очень опасно!

Я лишь беспечно отмахнулась, искренне думая, что он просто преувеличивает и проявляет излишнюю восточную эмоциональность. Оставила свои вещи Омару на песке и легко шагнула в прохладную воду.

Поначалу все было действительно прекрасно. Я всегда отлично плавала, уверенно держалась на воде и искренне наслаждалась этой свежестью, которая мгновенно снимала накопившийся за день жар.

Соленая, плотная вода подхватила меня, мышцы работали легко, ритмично и привычно. Я продолжала грести всё дальше от берега. Мне хотелось проверить себя, почувствовать пространственную свободу — доказать, что я могу больше, чем от меня ждут другие.

Так продолжалось до тех пор, пока я не пересекла воображаемую линию буйков.

Иллюзия безопасности рассыпалась в одну секунду. Характер моря изменился кардинально и беспощадно: береговые звуки словно провалились в глухую ватную тишину, вода вокруг буквально закипела мелкими пузырями, а сами волны стали в разы выше, тяжелее и агрессивнее.

Именно тогда я впервые по-настоящему испугалась.

Меня стремительно и неотвратно начало уносить в открытое море. Первой реакцией был не панический страх, а наивная, глупая надежда: грести против такого потока казалось бессмысленным расходом сил.

Я замерла на воде, свято уверенная, что следующий порыв прибоя сам подхватит меня и мягко толкнет обратно к суше.

Но стихия играла со мной в жестокую, садистскую игру. Каждая крупная волна подхватывала меня и с оглушительным грохотом швыряла вперед.

До твердой суши оставался какой-то метр, но это была иллюзия спасения. Стоило мне попытаться опустить ноги и нащупать опору, как уходящий по дну мощный поток отбойной волны — той самой ресаки — мгновенно вымывал камни из-под ступней и тащил назад на глубину.

Я не успевала даже распрямить колени и сделать вдох, как сверху обрушивалась следующая стена воды. Острые подводные камни в кровь драли кожу на ногах и руках, а непрерывный прибой буквально выбивал из легких последние остатки воздуха, не давая ни единого шанса зацепиться за землю.

Передо мной стояла двухметровая, непроницаемая стена воды. Глухой удар, ледяная тьма — и свет для меня окончательно погас.

Последнее, что запечатлело мое угасающее сознание, — это крик Омара, прорезавший гул прибоя, и сильные руки, судорожно вцепившиеся в мои плечи вопреки здравому смыслу и жёлтым флагам.

В тот день он вытащил меня из смертельной ловушки Средиземного моря. Наглотавшись соленой воды и придя в себя на темном песке Малаги, я уверовала, что этот человек — мой защитник.

Я не понимала, что стихия лишь передала меня из рук в руки: выбравшись из беспощадного морского течения, я добровольно шагнула в гораздо более опасное — в его собственное.

Глава 2. Первая трещина (Алтарь на песке)

«Спасение жизни может стать самым изысканным способом её присвоения».

«Если меня решили втянуть в кафкианский процесс, где мне отведена роль вечно виноватого подсудимого, я просто открою собственное расследование. И закрою это дело — за абсолютным отсутствием состава вины».

Это было коварное донное течение — *resaca*, о котором предупреждают знаки на андалусских пляжах.

Оно работает незаметно и беспощадно: поверхностный слой воды кажется спокойным, но снизу мощный подводный поток подхватывает человека и со страшной скоростью тащит его от берега в открытое море.

Позже, многократно анализируя пережитое с врачами и психологами, я пойму, что именно в тот критический момент, когда двухметровая свинцовая стена воды накрыла меня у берегов Малаги, я перешагнула роковой порог.

Я испытала на себе то, что в медицинской науке принято называть клинической смертью.

Моё сознание не просто отключилось от боли — оно удивительно мягко и отстранённо отделилось от задыхающегося, израненного стихией тела.

Внезапно вспыхнул ослепительный, кристально чистый, абсолютный свет, не имевший ничего общего с обычным земным солнцем.

В этом звенящем и безмолвном пространстве полностью исчезли панический страх, животный ужас и физическая боль. Я ощутила внезапный покой и невесомость.

Прошлое, будущее, незаконченные дела, планы — всё это потеряло всякий смысл. Осталась лишь чистая, обнажённая сущность моего «я» и пугающее своей грандиозностью знание: весь наш привычный мир физических законов — это лишь тонкая, хрупкая плёнка на поверхности бесконечного океана бытия.

Время остановилось.

Я чётко видела себя со стороны: обмякшая, беспомощная человеческая кукла, которая медленно опускается на скалистое дно Андалусии, запутываясь в ледяных морских водорослях.

Сердце замерло. Лёгкие были до краёв заполнены солёной водой. Я была абсолютно мертва для этого мира.

И именно в этот критический, финальный момент Омар совершил свой нечеловеческий подвиг.

Будучи мощным атлетом с тренированным телосложением, он на огромной скорости пробил стену пенного прибоя и буквально врезался в бушующий шторм.

Преодолевая гигантское сопротивление той самой *resaca*, он доплыл до моего тела в самую последнюю, уходящую секунду, вырывая мою жизнь из мёртвой хватки глубины.

Добраться до берега с бесчувственным телом на руках было задачей за гранью человеческих сил. Огромные свинцовые валы обрушивались на него с жестокостью гидравлического молота, протаскивая по острым валунам и снова таща назад.

Спасатели в жёлтых жилетах стояли на сухом песке и молча наблюдали: по строгому испанскому регламенту в шторм такого уровня им было категорически запрещено входить в воду без специального тяжёлого снаряжения.

Весь этот ад Омар прошёл в абсолютном, страшном одиночестве, вытащив меня на берег исключительно на собственном зверином упрямстве.

Пульса не было. Дыхания не было.

Из этого небытия меня вырвала дикая, судорожная боль.

Подбежавшие медики скорой помощи подхватили меня прямо у кромки воды и начали жёсткую реанимацию: тридцать сокрушительных нажатий на грудную клетку, от которых трещали мои рёбра.

Раз, два, три... тридцать.

На тридцатом ударе моё тело пробила мощнейшая судорога. Сердце сделало первый, дикий, разрывающий грудь толчок.

Сознание с грохотом рухнуло обратно в физическую оболочку с такой силой, словно меня без амортизации сбросили с высокой скалы на камни.

Я захлебнулась воздухом и водой, кашляя, корчась на песке и рыдая от возвращающейся физической реальности.

14 сентября 2020 стало официальной датой моего второго рождения. Но вместе с заветным правом снова дышать на меня натянулся невидимый, сверхтяжёлый канат неоплатного долга.

Едва я пришла в себя, один из фельдшеров, быстро накладывая мне на лицо кислородную маску, строго и подозрительно спросил по-испански, указывая на находящегося в состоянии шока Омара:

— *¿Es su familiar? ¿Lo Conoce?* (Это ваш родственник? Вы его знаете?)

Мой мозг, задыхающийся от тяжелейшей гипоксии, выдал странную, глубинную реакцию. Посмотрев на стоящего надо мной Омара снизу вверх, я почувствовала укол необъяснимого, дикого страха.

Этот мужчина в тот миг пугал меня своей абсолютной властью над моей судьбой.

Губы, покрытые толстой коркой соли, беспомощно разомкнулись, и я выдала сорванный шёпот прямо в пластиковое нутро маски:

— *No...* (Нет...)

Я имела в виду лишь то, что он не член семьи, но медики истолковали это по-своему. Заподозрив неладное и видя моё состояние, они попытались немедленно погрузить меня в реанимобиль.

Однако Омар, быстро сориентировавшись, подбежал к врачам. На уверенном испанском, жестикулируя и показывая свои окровавленные об камни руки, он объяснил, что мы бизнес-партнёры, я находилась в шаге от гибели и сейчас просто в глубоком шоке.

Кое-как успокоив медиков из *Urgencias*, ответив на вопросы прибывшего полицейского патруля и подписав официальный отказ от немедленной госпитализации, мы, наконец, остались на темнеющем пляже.

Омар принёс из опустевшего кафе мои вещи, оставленные на столике перед купанием. Лёгкие всё ещё горели огнём, тело била непрекращающаяся дрожь.

И прямо там, на набережной, на меня обрушился пугающий, сшибающий с ног коктейль из его уязвлённой мужской горечи и удушающей заботы.

Омар сидел рядом со мной на коленях. Его тяжело дышащее тело было покрыто песчинками, в глазах читалось нечто пугающее — взгляд владельца, вступившего в свои права.

— Амор, как ты могла?.. — он бережно, но мёртвой хваткой сжал мои дрожащие плечи. — Я чуть не умер там, в этой бездне, вытаскивая тебя с того света. Моё сердце едва не остановилось, когда ты сказала врачам это ледяное «нет». За что ты так со мной? Ты ведь могла разрушить мою жизнь, меня прямо сейчас могли увести в полицию...

В его тёмных глазах стояли слёзы обиженного, смертельно уязвлённого ребёнка. Он бережно накинуд на мои мокрые плечи свою сухую, тёплую куртку.

Эта мимолётная нежность мгновенно обезоруживала, но за ней уже чётко проглядывал холодный расчёт: его раненая гордость требовала навсегда остаться в роли святого спасителя и абсолютного благодетеля.

И именно там произошёл эпизод, который навсегда остался в моей памяти как точка невозврата.

Вдруг его тяжёлый взгляд упал на мою обессиленную, синюшную кисть. На моём безымянном пальце висело скромное, но очень дорогое моему сердцу позолоченное кольцо — память о прошлых этапах жизни, мой личный талисман.

Не произнося больше ни слова, Омар точным, почти ритуальным движением стянул с моего посиневшего пальца это кольцо — то самое, что связывало меня с прежней, независимой жизнью.

Он без колебаний надел его на собственный мизинец, словно забрал себе трофей или физическое доказательство того, что лично вырвал моё тело из лап смерти.

Затем он расстегнул на своём широком запястье тяжёлый серебряный браслет. Его пальцы действовали удивительно уверенно и властно: он обвил им мою тонкую руку и с сухим щелчком защёлкнул замок.

Металл обжёг кожу ледяным холодом.

Это был не романтический жест. Это был акцепт кабального договора, самое настоящее клеймо — символические оковы, окончательно завершившие акт передачи прав владения на мою дальнейшую жизнь.

На моих глазах этот мужчина превращал спасение человеческой жизни в обычную коммерческую сделку. Он выставил мне счёт.

Мой атлетичный ангел-хранитель чётко дал понять: его статус героя в моей жизни не может быть оспорен, ведь он только что купил право безраздельно властвовать над моей судьбой.

Тогда я ещё не до конца понимала, какой именно архаичный ужас руководил Омаром в те минуты. Его подвиг питался первобытным, паническим страхом перед повторением собственного личного кошмара.

Несколько лет назад в Италии его тогдашняя любимая девушка ушла купаться во время скрытого донного течения и утонула. Омару сообщили об этом по телефону убитые горем родители. На похороны он тогда так и не поехал — знал, что просто сойдёт с ума от чувства вины.

Не выдержав этого гнёта, он бросил всё и бежал в Испанию, надеясь выжечь эту тяжелейшую травму южным солнцем.

И когда 14 сентября я ушла под воду на его глазах, Омар увидел абсолютное возвращение своего персонального ада.

Он штормовал штормовые волны с яростью обречённого, потому что спасал не только меня — он отчаянно пытался переписать сценарий той давней трагедии. Но, превращая спасение в кабальную сделку, он решил, что вместе с вытащенной из воды жизнью приобрёл право безраздельно властвовать над моей судьбой.

Однако мой собственный разум велел мне действовать незамедлительно. Забрав свои вещи и не желая ни минуты находиться в зоне его тотального контроля, я твердо отстранилась.

Я вызвала через приложение такси, села на заднее сиденье и с силой захлопнула дверь, оставив его массивную одинокую фигуру на мокром асфальте.

Когда машина тронулась, меня наконец прорвало. Слёзы хлынули горячим, неудержимым потоком — это были слёзы не слабости, а глубочайшего осознания: я жива.

Вспышкой вернулась мысль той двухметровой стены: «Я не справлюсь, это конец». Но я вернулась. Я переиграла небытие там, где выжить было физически невозможно.

В голове, постепенно заглушая отголоски шторма, уже включался мой привычный, холодный и структурированный разум юриста.

Омар искренне думал, что поймал меня в кабальный, пожизненный контракт. Но любой контракт можно грамотно расторгнуть. У любого, даже самого страшного долга есть своя цена ликвидации. Что ж, посмотрим, какова реальная ликвидационная стоимость этого долга...

Если этот мужчина решил разыграть со мной кафкианский сценарий, где мне отведена роль безвольного, вечно виноватого подсудимого, он совершил роковую ошибку. Я открою собственное расследование и закрою это дело — за абсолютным отсутствием состава вины.

Вспышка памяти мгновенно перенесла меня на двадцать семь лет назад, прочь от раскалённого андалусского асфальта и пальм — туда, где моя воля впервые столкнулась с бездушным, слепым аппаратом системы...

ГЛАВА 3. Архитектор веры (Канат долга)

«Умение искренне восхищаться — это тоже оружие, причём невероятной разрушительной силы».

Все два с половиной месяца, пока мы работали над бизнес-планом для банка, Омар неустанно возводил меня на пьедестал.

Он смотрел на меня с изумлением человека, нашедшего среди серых камней неограниченный алмаз.

— Амор, твой ум — это нечто невероятное, — повторял он каждый раз, когда я за пару часов выстраивала финансовую модель или сводила в единую таблицу хаотичные цифры рыночных показателей. — Ты мыслишь как опытный стратег. Ты видишь то, чего не видят другие. Этот проект ожил только благодаря тебе.

Он был истинным «архитектором веры».

Омар умел вложить в свои слова такую глубину, что ты искренне верила: ты действительно спаситель, ты — единственная, кто способен вдохнуть жизнь в его затухающую мечту.

Каждый день превратился в изнурительный интеллектуальный марафон. Я работала на два фронта.

С одной стороны — моя работа в визовом центре. Для меня это был не просто заработок, а продуманный стратегический трамплин.

По жестким регламентам, для подачи документов на конкурсную дипломатическую должность в Шведском консульстве в Малаге мне требовался ровно один год официально подтвержденной практики в смежной консульско-визовой сфере.

Именно поэтому я устроилась на работу в местный визовый центр. Это был не просто заработок — это был выверенный трамплин, мой официальный пропуск на государственную службу Швеции. Я четко знала, ради чего выносила ежедневную рутину.

С другой стороны — проект Омара. Он требовал всё больше времени, глубже погружая меня в финансовые расчеты, написание аналитических записок и подготовку презентаций для банковских аналитиков.

Когда усталость валила меня с ног, а я упоминала свою цель в консульстве Швеции, в глазах Омара появлялась едва уловимая тень раздражения, которую он тут же маскировал заботой:

— Амор, зачем тебе эта чиновничья рутина? Забудь ты об этой дипломатии, сосредоточься на деле моей жизни! Мы построим нечто гораздо большее. Ты будешь не просто сотрудником, ты будешь совладелицей бизнеса, моим главным партнером!

Он эгоцентрично пытался обесценить мою мечту, привязав меня к своей.

И я, усыпленная его бесконечной благодарностью, допустила ошибку — начала жертвовать своим ради его.

Символической точкой отсчета для нас стало 30 сентября — День святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Мой День ангела. День, когда имя «Амор» обретает свою истинную небесную покровительницу.

Омар придавал этой дате сакральное значение. Он постоянно напоминал, что зовёт меня «Амор» — Любовь, а сам находится в символическом возрасте Христа — 33 года, словно присваивая себе синдром Бога.

В этом совпадении смыслов он видел перст судьбы.

Кто бы мог подумать, что спустя годы, день в день — именно 30 сентября, в свой День ангела — я снова вернусь к этой точке отсчета. Но уже не ради чужой иллюзии.

В этот день я приму окончательное решение запустить свой главный жизненный шедевр — написание книги «Антипроцесс».

Но тогда кульминация нашей гонки пришлась на конец ноября — прямо на день рождения Омара.

Именно к его дню рождения наш бизнес-план на получение стартового кредита в 25 000 евро — суммы, жизненно необходимой для аренды представительства, открытия офиса в Малаге и запуска первой рекламной кампании — был полностью готов, выверен и официально подан на рассмотрение в один из ведущих банков Андалусии.

Это был мой главный подарок для него — упакованная мечта.

За этот ноябрьский рывок мне пришлось заплатить катастрофическую цену.

Чтобы успеть согласовать последние финансовые документы перед подачей, мне пришлось взять несколько отгулов на основной работе.

Вернувшись в визовый центр, я обнаружила, что мои дела и ключевых клиентов перехватили коллеги. Руководство, не дав толком объясниться, поставило меня перед фактом: «В ваших услугах больше не нуждаются».

Трамплин рухнул. Год обязательной практики, необходимый для Шведского консульства, оборвался, так и не завершившись. Моя дипломатическая карьера разлетелась вдребезги.

А вскоре пришёл и долгожданный ответ из банка.

Авторитетная банковская комиссия проверила проект и дала официальное заключение: экономическая модель, финансовые расчеты и стратегия развития офиса, подготовленные мной, были признаны идеальными.

Кредитная заявка на 25 000 евро прошла все финансовые фильтры.

Однако в выдаче средств было отказано.

Причина была банальна и беспощадна: сам Омар. У него отсутствовали минимальные финансовые гарантии.

Банк готов был поверить в идеальные цифры моего бизнес-плана, но не в самого заёмщика, чья репутация для финансовой системы была пустой бумагой. Отказать в такой скромной для бизнеса сумме означало поставить на нем полный крест.

Ноябрь принес окончательное крушение: за считанные дни я потеряла свою стратегическую работу, надежду на Шведское консульство и результат месяцев бессонных ночей.

Конец ноября и первая неделя декабря превратились в сплошной туман из слез, отчаяния и ощущения глубокой несправедливости. Я лежала в темноте, смотря в потолок, и не понимала, как собрать себя заново.

Но закалка, полученная ещё в жесткие годы юности, не дала мне упасть на дно. На седьмой день я вытерла слезы, открыла ноутбук и включила стальной характер.

Я начала штурмовать рынок труда.

Спустя ровно одну неделю интенсивных собеседований я одержала победу: меня приняли на удаленную работу в крупное международное агентство недвижимости. У меня снова появилась точка опоры, стабильность и доход.

Я пришла к Омару, ожидая, что он разделит мою радость, что он воспрянет духом, видя, что мы не сломались.

Но то, что произошло дальше, показало мне истинную природу человека, который называл себя «архитектором веры».

Узнав о моей новой работе, Омар не обрадовался. Его лицо исказилось. В нём не было ни капли гордости за меня — только глухая, эгоистичная обида.

Он мгновенно включил роль виртуозного «великомученика».

— Ты нашла работу? За одну неделю? — произнес он с ядовитой горечью, качая головой. — Как ты могла так быстро перешагнуть через нашу общую мечту?

Он сделал паузу, а затем с тяжелым вздохом добавил:

— Твой ум действительно восхитителен, Амор. Ты невероятно талантлива. Но теперь я вижу правду: для тебя этот проект был просто строчкой в резюме. Очередной задачей, которую

ты блестяще решила и пошла дальше. А для меня это была жизнь! Это был мой последний шанс!

Он мастерски перевернул всё с ног на голову. Вместо благодарности за то, что я отдала его проекту свою работу, мечту о дипломатической службе и свои силы, он обвинил меня в предательстве.

Омар начал виртуозно плести вокруг моей шеи канат выдуманного долга и чувства вины. Он заставил меня чувствовать себя преступницей за то, что я не стала погибать вместе с его рухнувшими иллюзиями, а решила жить дальше.

Каждое его слово «восхищения» моим умом теперь звучало как упрек: «Ты слишком умная, чтобы сострадать, ты слишком прагматичная, чтобы любить».

Это была затягивающаяся удавка.

Именно тогда до меня дошло: экзотическая любовь Омара гораздо опаснее, чем коварное донное течение *resaca*, о котором предупреждают желтые флаги на пляжах Малаги.

Resaca просто уносит тебя от берега в открытое море, но если не паниковать, из него можно выплыть. А Омар плел паутину из чувства вины, в которой ты задыхаешься добровольно, думая, что платишь долг за «великую любовь».

Я посмотрела на него и поняла: этот канат нужно резать.

Накопленная внутри закалка прошлых лет дала мне силы сделать первый шаг к освобождению — шаг прочь из андалусской ловушки в прошлые уроки судьбы.

Вспышка памяти перенесла меня на двадцать семь лет назад — в холодную осень 1999 года, в Санкт-Петербург, где закалялась моя сталь...

Глава 4. Системный ценз: 158 сантиметров воли

Крах иллюзий

«Травмы п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.